

расположения ансамблей связаны с взаиморасположением планировочных частей. Они задают генетический код развития градостроительной структуры: спираль – Тотьма, «цепь» – Тутаев, веерно-лучевая – Торопец, треугольник – Великий Устюг.

3. Чем древнее город и чем значительнее его исторический потенциал и административный статус в прошлом, тем больше развита его структура, сложнее иерархичность композиционной системы. Именно такие отличия мы видим между Великим Устюгом и Тотьмой.

Несмотря на представление, что русский город создавался стихийно, в расстановке его доминант прослеживаются сложные и гармоничные композиционно-геометрические основы и закономерности. Малый русский город предстает как единый уникальный объект охраны и культурного достояния России.

Библиография:

1. Азизян И.А. Взаимодействие искусств. Композиционно-методологический аспект проблемы / И.А. Азизян // *Архитектура СССР*. – 1974. – №9. – С. 49.
2. Азизян И.А. Теория композиции как поэтика архитектуры / И.А. Азизян, И.А. Добрицына, Г.С. Лебедева. – Москва: Прогресс-Традиция, 2002. – 568 с.
3. Кубецкая Л.И. Метод исторической реконструкции в исследовании эволюции градостроительной структуры поселения. Часть 2 / Л.И. Кубецкая // *Academia. Архитектура и строительство*. – Москва, 2020. – № 1. – С. 75-77.
4. Кубецкая Л.И. Эволюция и формы исторического расселения / Л.И. Кубецкая // *Фундаментальные поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2016 г.*: Сборник научных трудов. Т. 1; Российская академия архитектуры и строительных наук (РААСН) / Редактор Д.О. Швидковский. – Москва: АСВ, 2017. – С. 350.
5. Кузнецова М.В. Закономерности формально-геометрического построения центров новых столиц XX–XXI вв.: специальность 05.23.20: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры / Кузнецова Мария Викторовна; Московский архитектурный институт. – Москва, 2018.
6. Мальцев С.К. Великий Устюг: сохраненное и утраченное / С.К. Мальцев. – Вологда: Древности Севера, 2010. – 159 с.: ил. – ISBN 978-5-93061-033-8.
7. Мокеев Г.Я. Планировка древнерусских городов и методика раскрытия ее систем / Г.Я. Мокеев // *Источники и методы исследования памятников градостроительства и архитектуры: сборник научных трудов / Центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства; редактор А.В. Рябушин*. – Москва: Стройиздат, 1980. – С. 10.
8. Мокеев Г.Я. Типология древнерусских городов / Г.Я. Мокеев // *Архитектурное наследие*. – 1976. – №25. – С. 8.
9. Прак Н.Л. Язык архитектуры: очерки архитектурной теории / Н.Л. Прак. – Москва: ДЕЛО, 2017.
10. Тельтевский П.А. Великий Устюг / П.А. Тельтевский. – Москва: Государственное издательство по строительству и строительным материалам, 1960.
11. Шильниковская В.П. Великий Устюг. Развитие архитектуры города до середины XIX в. / В.П. Шильниковская. – Москва: Стройиздат, 1987.
12. Щенков А.С. Привычное и программное в охране наследия / А.С. Щенков // *Academia. Архитектура и строительство*. – 2015. – №1. – С. 39–40.
13. Щенков А.С. Структура русских городов и система градостроительных ориентиров: на материалах городов XVI–XIX вв.: специальность 18.00.01: диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры / Щенков Алексей Серафимович; Московский архитектурный институт. – Москва, 1979.
14. Kudriavtseva N.O. In Search of lost meanders Urban Characters of Dora Riparia Hfrt 1 / N.O. Kudriavtseva: Cand. Ph.D, Politecnico di Torino. – 2016. – P. 138.

С.Ю. Кавтарадзе

S.Yu. Kavtaradze

DOI: 10.24412/cl-35672-2021-1-0077

Особенности композиции Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря как идея воплощения искупительного храма из видения пророка Иезекииля Spaso-Preobrazhensky Cathedral of the Solovetsky Monastery as the incarnation of Ezekiel's redemptive Temple

Ключевые слова: Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря, Храм Иезекииля.

Keywords: Spaso-Preobrazhensky Cathedral of the Solovetsky Monastery, Ezekiel's Temple.

Аннотация: Предлагается гипотеза, согласно которой Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря был задуман игуменом Филиппом (Колычевым) как исполнение изложенной пророком Иезекииелем идеи строительства искупительного Храма, обещающего раскаявшимся спасение в Конце Времен.

Abstract: A hypothesis is proposed that the Spaso-Preobrazhensky Cathedral of the Solovetsky Monastery was conceived by Abbot Philip (Kolychev) as the fulfillment of the idea of building a redemptive Temple set forth by the prophet Ezekiel, promising salvation to the repentant at the End of Times.

Спасо-Преображенский собор является главной композиционной доминантой Соловецкого монастыря. Его история достаточно подробно отражена в дошедших до нас письменных источниках и тщательно изучена специалистами. Согласно Соловецкому летописцу, он

был заложен в мае 1558 г., а освящен в 6 августа 1566 г. [10]. Хорошо известен и идейный вдохновитель столь масштабного по меркам отдаленного островного монастыря строительства. Это игумен Филипп, в миру Федор Колычев, будущий митрополит Московский и всея

Руси, бесстрашный оппонент Ивана Грозного, погибший в заточении и позже причисленный к лику святых.

Нынешний облик постройки, увенчанной огромной луковичной главой, в целом не противоречит устоявшимся представлениям о том, как должен выглядеть православный храм. Он видится пятиглавым, с четвериком основного объема. Характерное сужение кверху, «суровость, величественность и одновременно простота» [10], а также тот факт, что строили его новгородские мастера Салка и Столыпа [10], привели к ставшей привычной мысли, что данный памятник в стилевом отношении близок архитектуре Великого Новгорода.

Вместе с тем, невозможно не отметить ряд совершенно уникальных черт. Это трехъярусный храм, центральный барабан которого (точнее, октагон) с помощью системы тропов опирается лишь на два столпа с запада и восточную стену. Четыре объема, снаружи воспринимаемые как «шеи» малых глав, являются на самом деле самостоятельными храмами, вознесенными над перекрытиями основного объема. Их престолы освящены во имя великомученика Феодора Стратилата, преподобного Иоанна Лествичника, Собора Двенадцати апостолов и Собора Семидесяти апостолов. Ниже, во втором ярусе, расположены приделы преподобных Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев и Собора Небесных Сил Архистратига Михаила.

Еще до Великой Отечественной войны, скорее всего в 1938 г., на заседании Ученого Совета Главного Управления охраны памятников прозвучал доклад М.В. Щепкиной, в котором она озвучила гипотезу, что Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря следует рассматривать как многопрестольный, где вместо центральной главы был построен шатер [11, с. 49]. Исследовательница аргументировала свою гипотезу прежде всего тем, что на миниатюре достаточно ранней (предположительно созданной между 1591 и 1598 г.) рукописи Жития Зосимы и Савватия Соловецких из собрания Вахрамеева (ГИМ, инв. 4589, ОР Вахр. 71) храм изображен именно с шатровым верхом, причем в целом мы имеем дело с очень точным, можно сказать, реалистическим отображением общего вида Соловецкого монастыря. Такое же шатровое завершение можно, хотя и не часто, встретить и в более поздних изображениях, например, на небольшой иконе Егоровского собрания начала XVII в. (ГИМ, № 353/54627) [19, с. 59] и в дополненном списке Жития Зосимы и Савватия Соловецких, созданном в 1623 г. по заказу келаря Троице-Сергиева монастыря соловецкого постриженника [12, с. 490] Александра Булатникова (РНБ, Соловецкое собр., 175/175). Косвенным свидетельством в пользу того, что Спасо-Преображенский собор до начала XVII века завершался шатром, Щепкина посчитала и то, что, создавая в 1635–1637 гг. в Троице-Сергиевом монастыре двухэтажные большие палаты с церковью во имя Зосимы и Савватия Соловецких, Булатников выбрал для храма опять-таки шатровую композицию [19, с. 61; 11, с. 499]. Наконец, в качестве доказательства собственной гипотезы Щепкина привела и слова В.В. Сулова, так описывавшего храм по итогам своих натурных ис-

следований: «главный купол пирамидальный, восьмигранный с сомкнутым сводом» [19, с. 60].

И тогда, и позже, в 1954 году, данную гипотезу в достаточно резких выражениях подверг критике П.Д. Барановский. После войны он даже воспротивился публикации статьи Щепкиной на эту тему.

В 1980 г. версию, что Спасо-Преображенский собор Соловецкой обители следует рассматривать в ряду шатровых сооружений поддержал М.А. Ильин [4, с.100-105]. В сущности, раздел о соборе Соловецкого монастыря в его книге полностью посвящен поддержке гипотезы Щепкиной. Вероятно, Ильин не знал о разгромном отзыве Барановского, зато вступил в полемику с отрицавшими версию о первоначальном шатровом завершении храма О. Д. Савицкой [15, с. 60-68] и В.И. Курловым [6, с. 79-101]. Позже О.Д. Савицкая смягчила свою точку зрения: «И все же предположение о существовании шатра кажется не лишенным оснований, тем более что его возведение над собором, появившимся до строительства крепостных стен и башен и игравшим, видимо, роль дозорного сооружения, было бы вполне уместным. Существенным аргументом в пользу шатра является и граненая форма центрального барабана» [14]. Примерно в те же годы позицию Щепкиной приняли еще два исследователя – М.И. Мильчик [9, с. 24-27] и С.В. Вереш [2, с. 210].

В 1986 году была опубликована смелая гипотеза С.А. Шарова [17, с. 224-229]. Реконструкция, выполненная совместно с Т.Ю. Соколовой и А.И. Шутовой, предлагала отказ от ставшего привычным облика и принципиально новую смысловую трактовку образа храма. Шаров обратил внимание на ряд черт, не объяснимых с точки зрения привычных представлений о русском сакральном зодчестве. Во-первых, у храма имеется просторное, явно предназначенное для частого использования и легко доступное пространство под кровлей, однако не снабженное оконными проемами и, соответственно, темное. Во-вторых, та часть центрального барабана (или шатра), которая расположена между крышей и сводами, не видна снаружи, однако богато декорирована. В-третьих, чердачное помещение со всех сторон обходили арочные галереи-гульбища, что совершенно не характерно для русских православных храмов той эпохи.

Из этого Шаров сделал вполне правомочный вывод, что верх собора был изначально открытым (гульбищем), с плоской кровлей, лежащей непосредственно на сводах. Следующее заключение – шатер «изображал» собою Иерусалимский Храм (с точки зрения Шарова там даже мог быть устроен отдельный престол на деревянных перекрытиях), восьмигранный центральный, каким его представляли в средневековой Европе и, добавим от себя, каким Святая Святая описал русский паломник игумен Даниил, посетивший Святую Землю в XII веке, в годы, когда захватившие Иерусалим крестоносцы превратили октагон мусульманского Купола Скалы (Куббат-ас-Сахра) в *Templum Domini* [16, с. 44; 5, с. 161-185].

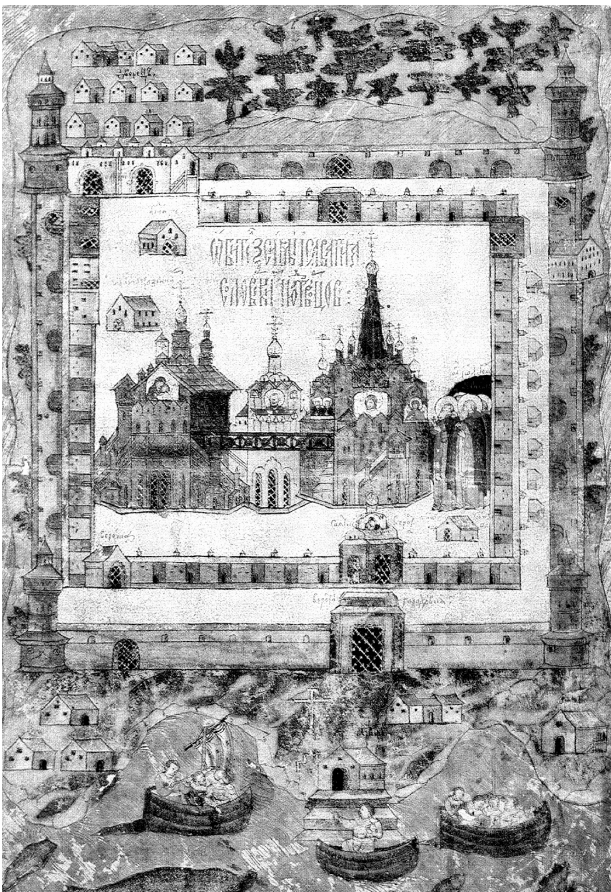

Рис. 1.

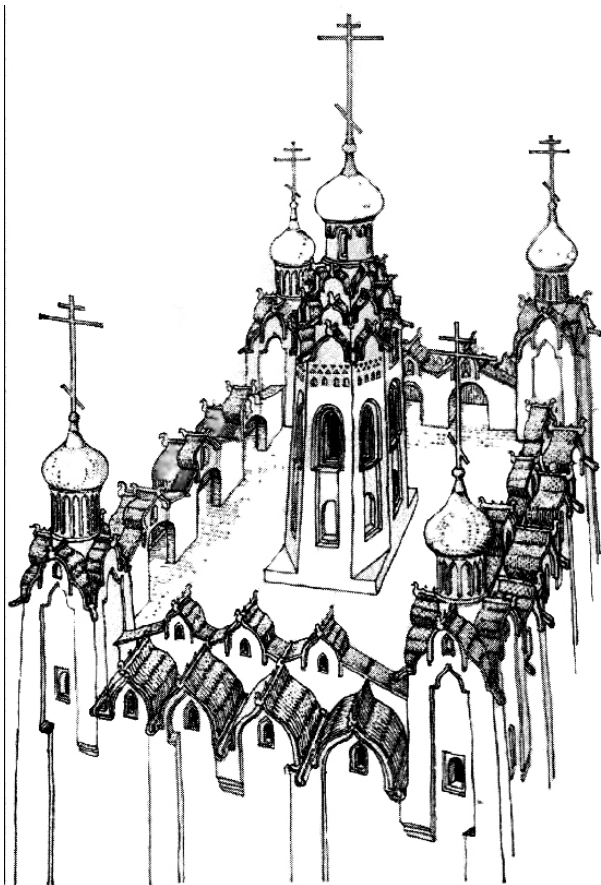

Рис. 2.

Однако далее, как нам представляется, развитие гипотезы пошло у Шарова по неверному пути. Основываясь на том факте, что основной объем Спасо-Преображенского собора имеет близкую кубовидной форму, а также на число гипотетических арок с внутренней стороны обходных галерей (двенадцать, по три на каждую сторону света), исследователь предположил, что игумен Филипп задумал воспроизвести на Соловках образ Горнего Града – Небесного Иерусалима из апокалиптического видения Иоанна Богослова. Эта версия отвергается просто, достаточно вспомнить слова апостола: «Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец» (Откр. 21:22).

Зато другое архитектурное произведение, также описанное в Библии, как мы постараемся показать ниже, в достаточной степени соответствует тому образу, который воссоздает реконструкция Шарова и его коллег.

Дата «1558» – год начала строительства Спасо-Преображенского собора на Соловках – не выглядит чем-то примечательной. Однако для современников это было лето 7066 от сотворения мира (по принятому на Руси византийскому летоисчислению). До начала опасного семилетия – 7070-7077, когда предчувствие конца времен становилось более чем обоснованным, оставалось всего четыре года. Еще в конце XV века, когда в лето 7000 (1491/1492 г.) не сбылись эсхатологические ожидания, столь серьезные, что даже пасхалии не стали рассчитывать далее, новгородский архиепископ Геннадий заказал своего рода «экспертизу» на данную тему. Специалистом, как признает сегодня большинство исследователей, выступил грек по происхождению, приближенный к Палеологам Дмитрий Траханиот (есть также версии, что авторами затребованного Геннадием послания «О летах седьмой тысящи» были другие лица: Дмитрий Герасимов или Дмитрий Ралев [8, с. 435-437]). Траханиот высказался с осторожностью, указав, что, по словам Христа, «о дни же том и часу никтоже весть, ни ангели, ни Сын, токмо Отец», однако все же предположил, что в дате конца света непременно должна присутствовать «седмица» в смысле «семерка» (или несколько таковых). Таким образом, ближайшими из вероятных дат Конца Времен становились лета 7007, 7070 и 7077 [13, с. 106].

И, поскольку конец света не настал и в лето 7007 (1498/1499 г.), шансы увидеть его в 7070 (1561/1562 г.) существенно повышались. Очевидно, следовало подумать о том, как достойно подготовиться к данному событию, а наиболее ясные указания на этот счет можно найти в Книге пророка Иезекииля.

Иезекииль оказался в вавилонском плену еще до разрушения Первого Храма: был уведен на чужбину вместе с царем Иехонией II и другими знатными лицами в 597 г. до н.э. В период между 593 и 571 г. ему были явлены пророческие видения, предсказывавшие все новые бедствия его народу как наказание за многочисленные грехи и вместе с тем указывавшие пути к спасению. Страстный язык и невероятные образы – божественная колесница-престол на огненных колесах, движущихся сразу во всех направлениях, крылатое существо

(«тетраморф») с четырьмя лицами (человека, льва, тельца и орла), поле, полное сухих костей, на которых вдрут вырастают жилы и плоть – многими столетиями поражают воображение художников.

В 571 г. до н.э., через пятнадцать лет после того, как был разрушен Первый Храм, пророк удостоился последнего видения. Муж, «которого вид как бы вид блестящей меди, и льняная вервь в руке его и трость измерения», привел вавилонского пленника на родину, на «весьма высокую гору» над Иерусалимом и Храмом. А потом ввел и в сам Храм, демонстрируя устройство комплекса и диктуя точные размеры (Иез. 40:3).

Смысл послания был вполне ясен. Храм будет восстановлен согласно тому образу, что показан пророку, при условии, что люди «устыдятся беззаконий своих» (Иез. 43:10-11). И это единственный путь к спасению: «и Я буду милостив к вам, говорит Господь Бог» (Иез. 43:27).

Храм Иезекииля во многом подобен и творению Соломона, и постройке Зоровавеля (окончена в 516 г. до н.э., реконструирована Иродом Великим примерно в 20 г. до н.э.). Однако, создавая Второй Храм, евреи предпочли не следовать в точности пророческому описанию Иезекииля. Основное отличие от осуществленных вариантов, если судить по реконструкциям, это то, что главное здание стоит во внутреннем дворе, а не за ним. При этом оно сдвинуто к западу, оставляя в восточной части пространство для алтаря. Таким образом, композиция ансамбля оказывается более компактной и собранной и, если развернуть ее на 180 градусов (так, чтобы запад и восток поменялись местами), в известной мере схожей с тем, что мы видим в Соловецком монастыре.

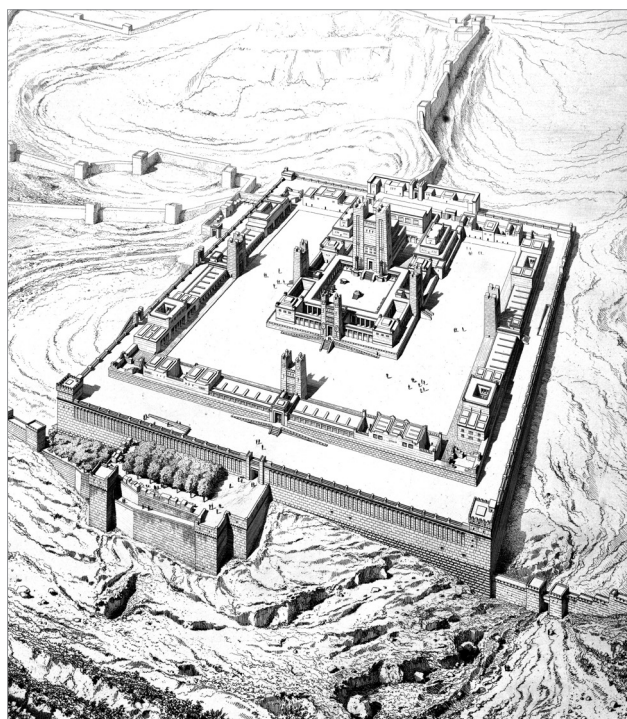

Рис. 3.

Разумеется, полного совпадения добиться было невозможно. Буквальное следование Книге Иезекииля натолкнулось бы на непреодолимые препятствия технологического и экономического характера. Например, в этом случае потребовалось бы возвести храм с шириной фасадов более 50 метров (100 локтей с ладонью) вместо существующих 30 – и соответствующей высоты. Поэтому получившаяся постройка воспроизводит, скорее, общую композицию и как бы «цитаты» – наиболее яркие черты описанного пророком Храма.

Подобием внешнего двора комплекса автор проекта, очевидно, видел саму территорию Соловецкого монастыря, тогда еще не обнесенную массивными каменными стенами. Вероятно, попытку повторить все входы на территорию храма в том виде, как это показано у пророка, игумен Филипп посчитал излишним. Правда, насколько можно судить по реконструкциям современных археологов и по старым изображениям, ворота были встроены прямо в линии келий, что близко к тому, как описывал взаимоположение ворот и «комнат» Иезекииль. Келий, блокированных одна с другой и образующих прямоугольник монастырского двора, также было около тридцати (у Иезекииля – тридцать, в церковнославянской редакции они названы «преграждениями»: «И введе мя во двор внутренний, и се, преграждения и междустолпия окрест двора, преграждений же тридцать в междустолпиях» (Иез. 40:17)). Примерно столько же их изображено и на уже упоминавшейся миниатюре Вахрамеевской рукописи, если не считать «заднюю», расположенную за Храмом сторону.

Еще большее сходство с библейским текстом мы получим, если будем рассматривать верх собора, как это предложил С.А. Шаров, в качестве изображения некоего внутреннего пространства, а именно – внутреннего двора Храма из пророческого видения. В этом случае получается объяснение странное конструктивное решение, когда шатер-барабан сдвинут к востоку так, что опирается на два столба и внешнюю стену. Благодаря этому с запада перед ним образуется открытое пространство – как бы «внутренний двор перед Храмом».

Можно ли довериться такому композиционному сходству и считать этот факт подтверждением, полученным методом иконографического анализа? Ведь на находки соответствующих «объясняющих» документов надеяться, скорее всего, не приходится. Сложность в доказывании подобных гипотез состоит в том, что речь идет, если использовать термин Чарльза Дженкса, о «двойном кодировании», где один смысловой слой либо очевиден и следует традиции, либо открыто прокламируется; второй же – тайный, в письменных источниках никак (или почти никак) не отражается.

Однако версия становится более убедительной, если одни и те же явления можно заметить сразу в нескольких памятниках.

В видении пророка Иезекииля большое внимание уделяется особым, священническим комнатам. Их назначение – служить своеобразными «шлюзами», где служители Храма могли бы, не боясь осквернения, принимать в пищу остатки священной жертвы, а также ме-

нять сакральные одеяния на те, в которых допустимо прикосновение к профанным толпам (Иез. 42:13). Призвание этих священников – не только исполнение положенного их сану, но и своего рода религиозное и этическое «просвещение»: «И люди моя да научат разлучати между святым и сквернавым, и между чистым и нечистым возвестят им» (Иез. 44:23).

Согласно описанию, данному в Книге, эти комнаты (как и «страны» – комнаты для хранения священной утвари, числом 33) расположены на третьем ярусе окружающих Храм строений, к северу и югу от него, и имеют выходы на открытые галереи шириной в пять локтей (примерно 2,5 метра). Интересно, что в большинстве графических реконструкций, как средневековых, так и современных, христианских и иудейских, принято изображать именно четыре комнаты, хотя сам Иезекииль ничего не говорил об их числе. Европейская традиция, в которой считается, что их четыре, берет свое начало, по-видимому, с *Postilla litteralis super totam Bibliam* (комментариев к Библии) Николая де Лиры. Он же, в свою очередь, скорее всего опирался на труды иудейских мудрецов, возможно, Раши (1040–1105) или Маймонида (1138–1204).

Четыре верхних придела, с земли воспринимаемые главами, с выходами именно на открытые галереи, и были, можно предположить, главной причиной строительства Спасо-Преображенского собора в Соловецком монастыре сразу после того, как был закончен вполне просторный Успенский собор. Тулуповская редакция Жития митрополита Филиппа рассказывает, между прочим, что братия искренне не понимала, зачем браться за строительство еще одного огромного и дорогого храма [7, с. 176-177]. Только авторитет игумена заставил их по крайней мере не сопротивляться данному предприятию. А вскоре подоспела и обещанная Филиппом помощь: Делу помог сам царь Иван Васильевич, пожертвовавший на строительство в отдаленном монастыре огромную по тем временам сумму – 1000 рублей [14].

Вероятно, именно устройство таких комнат показало царю Ивану Васильевичу и его приближенным действенным средством, чтобы, во-первых, занять подобающую позицию по отношению к подданным (иметь возможность учить народ отличать священное от не священного и объяснять, что нечисто и что чисто) и, во-вторых, повысить, насколько удастся, свои шансы на благополучный исход в случае наступления конца света. Скорее всего, именно этим, а не неведомо откуда взявшейся «идеей многопрестольности» [1, с. 103-141] объясняется почти одновременное появление типологически близких многостолпных шатровых храмов. Очевидно, первым образцом стал задуманный по возвращении из казанского похода собор Покрова, что на Рву, также (что видно, если обратиться к его плану) включающий в свою композицию четыре прямоугольных объема (приделы Григория Армянского, Варлаама Хутынского, Александра Свирского и Трех Патриархов Константинопольских), центральный октагон под шатром, символизирующий Святая Святых, и простран-

ство трапециевидной апсиды на месте двора перед Храмом с престолом в том месте, где, согласно видению Иезекииля, должен располагаться главный алтарь. Отличие от Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря состоит в данном случае в том, что в композиции подчеркнута роль «еламов» – башен над входами в 60 локтей в высоту, роль которых, как видно, играют расположенные с востока, юга и севера приделы (Троицкий, Николы Великорецкого, Киприана и Иустины). Впрочем, гипотеза, согласно которой собор Покрова, что на Рву был задуман как тайное воплощение искупительного храма Иезекииля, нуждается в отдельной статье.

Стоит отметить, что большая часть подобных храмов со «священническими комнатами» строилась там, где царь бывал лично. В тот же год, что и Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря, начали строить не дошедший до нас, но достаточно хорошо известный по обмерам, рисункам и археологическим данным Борисоглебский храм в Старице – вотчине издавна связанного с Кольчевыми рода князей Старицких. Там также можно было увидеть четыре столпа вокруг центрального, малодоступные помещения на третьем ярусе и открытые галереи к ним. Еще один пример: появление в середине 60-х гг. XVI века приделов вокруг основного объема Благовещенского собора Московского Кремля – домового храма великих князей. И вновь их четыре, они соединены открытыми галереями и расположены на третьем ярусе – на сводах гульбища. Наконец, существует выдвинутая А.Л. Юргановым [20, с. 382-393] и в целом поддержанная И.Н. Данилевским [3, с. 29-37] версия, что и сгоревший в большом пожаре Опричный дворец в Занеглименье в Москве, известный нам по описанию служившего в опричниках немца Генриха Штадена [18, с. 107-109], также был символическим воспроизведением Храма Иезекииля. Кстати, тот факт, что церковь при дворце, как пишет Штаден, три года стояла без крыши, возможно, объясняется тем, что, как и в соловецком Спасо-Преображенском соборе, высокая кровля там и не планировалась, поскольку наверху было устроено открытое гульбище.

Царь Иван Васильевич не бывал на Соловках, но, видимо, идея воспроизведения храма Иезекииля в особенном, надежно изолированном от мирской суеты и освященном преподобными Зосимой и Савватием месте, ему нравилась. К тому же, в данном случае сбывались и другие предсказания, приведенные в последних главах Книги Иезекииля. Игумен Филипп проложил каналы, возможно, символизирующие водный поток, по которому в своем видении прошел Иезекииль (Иез.47:1-9), болота во владениях монастыря были «оставлены для соли» (солеварение – давний и традиционный промысел обители), да и рыбы в окружающих монастырь водах несомненно «было весьма много» (Иез.47:10-11).

Можно предположить, что игумен Филипп вошел в круг разработчиков тайных символических программ (скорее всего, речь идет о митрополите Макарии, протопопе Сильвестре и Алексее Адашеве) еще тогда, когда посещал столицу в дни церковных соборов. Уже в те

годы он мог принять участие в работе над общим замыслом – визуализацией «общей теории» Святой Руси, где – на иконах, на фресках и в архитектуре – было бы показано место Великого княжества Московского в мировой (от сотворения мира) истории, среди упомянутых в Библии царств, а также и в небесной иерархии: под сапфировым сводом, девятью ангельскими чинами и пребывающим выше всего Творцом. Конец света, вероятность прихода которого повышалась с наступлением лета 7070, мог видаться авторам данных построений разумным и логичным финалом исторического процесса, к которому стоило подготовиться.

Библиография:

1. Баталов А.Л. Идея многопрестольности в московском каменном зодчестве середины – второй половины XVI в. // Русское искусство Позднего Средневековья. Образ и смысл: Сб. научных трудов НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ / Под ред. А.Л. Баталова. – Москва: НИИ теории и истории изобразит. искусств, 1993. – С. 103–141.
2. Вереш С.В. Эволюция облика Соловецкого монастыря по его изображениям / С.В. Вереш // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. – Москва: Искусство, 1980.
3. Данилевский И.Н. Семантика опричного дворца и смысл опричнины: к вопросу о системе доказательств в исторической реконструкции / И.Н. Данилевский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – №48. – С. 29–37.
4. Ильин М.А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. Проблемы и гипотезы, идеи и образы / М.А. Ильин – Москва: Искусство, 1980.
5. Кавтарадзе С. «По подобию Святой Скиннии». К вопросу о происхождении русских шатровых храмов / С.Ю. Кавтарадзе // Пространство иконы. Иконография и иеротопия. – Москва: Феория, 2019. – С. 161–185. – (Пространство культуры, культура пространства).
6. Курлов В. Преображенский собор Соловецкого монастыря XVI века / В. Курлов // Советская археология. – 1974. – №1. – С. 79–101.
7. Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа. Исследование и тексты / И.А. Лобакова; научный редактор Н.С. Демкова; Российская акад. наук, Ин-т русской лит. (Пушкинский дом). – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин (ДБ), 2006. – 308 с. – ISBN 5-86007-520-0.
8. Лурье Я.С. Траханиот Дмитрий Мануилович / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Ленинград: Наука, 1989. – С. 435–437.
9. Мильчик М. Архитектура в древнерусской живописи / М.И. Мильчик // Декоративное искусство СССР. – 1973. – №2. – С. 24–27.
10. Мильчик М.И. Соловецкий монастырь в истории русской культуры / М.И. Мильчик // Искусство. – Издательский дом «Первое сентября», 2008. – № 10 (16–31 мая).
11. Отзыв П.Д. Барановского о статье М.В. Щепкиной «Соловецкий монастырь в изображении миниатюры XVI века». 15.X.1954 г. (ГНИМА, оп.1. д. 19, л. 13–27) // Соловецкий монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Том I / Составители В.А. Буров, У.А. Черновол. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 49–55.
12. Панченко О.В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиевского монастырей в первой половине XVII в.: троцкий келарь Александр Булатников / О.В. Панченко // Труды отдела древнерусской литературы. – Санкт-Петербург, 2004. – Т. 55. – С. 499.
13. Послания Дмитрия Герасимова к архиепископу Новгородскому Геннадию // ПС. 1861, янв. – С. 106.
14. Савицкая О.Д. Архитектура Соловецкого монастыря / О.Д. Савицкая // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / Под общ. ред. Д.С. Лихачева. – Москва: Искусство, 1980.
15. Савицкая О.Д. Некоторые черты северного зодчества на примере архитектурных памятников Соловецкого монастыря / О.Д. Савицкая // Архитектурное наследство. – Москва, 1973. – №21.
16. Хожение игумена Даниила / Подготовка текста, перевод и комментарии Г.М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси / РАН ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. – С. 27–117.
17. Шаров С.А. О завершении Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря / С.А. Шаров // Архитектурное наследство. – Москва: Стройиздат, 1986. – № 34. – С. 224–229.
18. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: записки немца-опричника / Генрих Штаден; пер. и вступ. ст. И.И. Полосина / Записки прошлого. Воспоминания и письма / Под ред. С.В. Бахрушина и М.А. Цявловского. – [М.]: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925.
19. Щепкина М.В. Соловецкий монастырь в изображении миниатюры XVI века / М.В. Щепкина. – Рукопись [1954 г.]. – ГНИМА. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–12 // Соловецкий монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Том I / Составители В.А. Буров, У.А. Черновол. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 56–63.
20. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры / А.Л. Юрганов. – Москва: МИРОС, 1998.

К.В. Бабак
K.V. Babak

DOI: 10.24412/cl-35672-2021-1-0078

Храмы в составе торгово-деловых комплексов дореволюционной России *Temples as part of trade and business complexes in pre-revolution Russia*

Ключевые слова: ярмарка, храм, торговля, торговый комплекс, архитектурная доминанта.

Keywords: fair, temple, trade, shopping complex, architectural dominant.

Аннотация: В работе обоснована актуальность исследования взаимосвязей храмовых комплексов с торгово-деловыми объектами. Рассмотрена история вопроса в средневековой Руси и Российской империи. Выявлена типология исторических храмовых объектов, функционально и пространственно объединенных с торговыми комплексами.

Abstract: In this paper, we substantiate the relevance of the study relationships between temple complexes and commercial and business objects. We have considered the history of the issue in medieval Russia and the Russian Empire. We have identified a typology of historical temple objects that are functionally and spatially related to shopping complexes.